

ЛАДА ФРОЛОВА

Конфетка счастья

Лада Фролова
Конфетка счастья

«Издательские решения»

Фролова Л.

Конфетка счастья / Л. Фролова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745971-0

Абсолютно правдивая история о любви, дружбе и смысле жизни, которая может произойти в жизни каждой счастливо замужней женщины средних лет, проживающей в шести тысячах км от МКАД. Не рекомендуется принятие «Конфетки» людям с отсутствием или повышенным содержанием чувства юмора и оптимизма, т. к. может вызвать побочные явления...

ISBN 978-5-44-745971-0

© Фролова Л.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая, в которой Карлсон и Фрекен Бок встречаются с Ким Бессинджер, а также есть упоминания о Брюсе Уиллисе и Вин Дизеле	6
Глава следующая, производственная, с Ильичом	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Конфетка счастья

Лада Фролова

*Любимому Д. И.,
в юбилейный год рождения...*

При написании данного произведения не пострадал ни один человек, ни одно животное, ни одно насекомое. Используются исключительно кармически чистые слова и предложения, а также положительная энергия солнечной погоды. На протяжении всего процесса написания автор находился в здоровом уме и твёрдой памяти, в благостном расположении духа, черпая вдохновение в муже, детях, космосе и практиках йоги, употребляя в пищу экологически чистые продукты, излучая на окружающих добрые помыслы, при благоприятной расстановке звёзд, стола и дороги за окном по фен-Шю.

Все описываемые персонажи, сюжеты и события – исключительно реальные, отдельные несовпадения далеко не случайны, как и правда то, что я – Фёкла. Претензии, апелляции и кассации по неправильному описанию какого-либо из героев и событий, не принимаются.

*– Достаточно одной таблетки.
Из к/ф «Бриллиантовая рука»*

*– Конфета «подушечка», знаешь?
Из к/ф «Карнавальная ночь»*

© Лада Фролова, 2016
© Екатерина Фролова, фотографии, 2016
© Екатерина Фролова, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4474-5971-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая, в которой Карлсон и Фрекен Бок встречаются с Ким Бессинджер, а также есть упоминания о Брюсе Уиллисе и Вин Дизеле

– Нашёл! – крикнул тот, с кем я лазила по огромной сопке, – от, черт!

Это был медвежонок. В следующее мгновение он уже тыкался мокрым носом в моё лицо. Берлога и мужик были справа от меня, а медвежонок успел забежать слева. Я прижалась к сопке, цепляясь за неё ногами и руками, поэтому медвежонку не составило никакого труда подойти ко мне на уровне головы.

– Кыш! Кыш! – зашипела я. Одной рукой я даже помахала, отгоняя его.

Медвежонок конечно премиленький, пахнет псинкой, совсем кроха ещё. А вот его мама, если прибежит на мои «кыш», вряд ли мне обрадуется.

Боком, вдоль сопки, я неслась изо всех сил, с одновременным использованием рук и ног, как паук.

– Вот и говорят потом, что в России медведи ходят пешком, – глубокомысленно заключает на моё красочное повествование, муж.

Некоторое время помолчав, он спрашивает меня:

– А почему не полетела? Метлу забыла? Ты ж обычно летаешь во сне...

– Так я... забыла... не метлу... от страха.

А сама думала – что такое мы искали с тем мужиком, когда наткнулись на медвежью берлогу? И кто это был? Его лица я не видела. Муж, кто ж ещё.

Медвежонок так и стоял перед глазами. Блестящие глазки, мокрый нос, мягкая шерстка. Ощущения, что это было наяву, а не во сне, не покидают меня. Может быть, это сейчас я сплю? Вот проснусь и снова окажусь в странном месте с отвесными сопками и мужиками, выгоняющими из берлог живность.

– С твоей работенкой ещё не такое приснится, – муж ласково прижимает меня к своему плечу, на котором уже выработалось углубление для моей головы на протяжении тех лет, что мы вместе. Я откидываю голову и улыбаюсь той улыбкой, которая повторяется раз за разом, вот уже многие тысячи дней, что мы с ним.

На прощание, даже если он всего лишь выходит вынести мусор, мы всегда целуемся. Это очень короткий поцелуй, едва заметное прикосновение, но если верить учёным, он гарантировано прибавляет нам две минуты жизни. Мы легко проживем уже по сто пятьдесят лет, а ведь всё это время мы будем продолжать целоваться и продолжать прибавлять минуты. Девочки, наши дочери, собирают рюкзаки, младшая на две минуты, как всегда, успевает фыркнуть на наши «телячьи нежности», пора и мне собираться.

– И что это?

Она трясла листочками, а я пыталась определить её настроение. «Иштоэта?» – вроде бы звучит вполне безобидно, и в то же время это довольно каверзный вопрос. Мне мало информации, чтобы сделать правильный вывод.

Пауза затягивалась, я улыбалась. На всяких случай. Хуже не будет.

– Что у Вас там дальше-то? – уже более миролюбиво сказала мне начальница.

То ли моя улыбка сработала, то ли настроение у неё сегодня и без меня хорошее.

Внешностью моя начальница, МарьИванна, напоминает Карлсона. Того, что в иллюстрациях книжки 80-х годов издания. Пухлые маленькие ножки и ручки, тело, напоминающее бочонок, голова, посаженная сразу на плечи. Разве что наша МарьИванна без пропеллера, да и поправку на женский пол необходимо сделать, так как бочонок наполовину состоит из груди.

Фрекен Бок по фигуре, впрочем, и по характеру, – это один из заместителей МарьИванны, Анна Ивановна (да-да, «АннИванна, наш отряд, хочет видеть поросят...»). Если вы по какой-либо причине ищите быстрый и легкий способ умереть, приходите и расскажите АннИванне этот стишок, адрес уточняйте у меня).

АннИванна на две головы выше МарьИванны, то бишь, мы с ней одного роста, как все нормальные люди «с материка». Только я её помянула, как она тут же появляется в кабинете начальства.

Кабинет, как и положено, размера футбольного поля, с длинным полированным столом в половину поля, с портретами всех президентов: Самого-Самого и Дархана. Нестандартным в кабинете является то, что стол, за которым проводит большую часть жизни наш Карлсон, находится у той же стены, что и дверь в кабинет. Могу только предположить, что такое расположение либо шаман подсказал, как наиболее удачный способ, чтобы сидеть в должности долго и нехлопотно, либо специалист по фэншю с той же целью помочь хозяйке кабинета жить в нем долго и счастливо. И шаманов и фэншуйцев у нас в Министерстве хоть отбавляй.

Как бы то ни было, когда открылась дверь (без стука, видать её звали), и статная наша АннИванна внесла себя в кабинет, первой подняла глаза от полированной столешницы именно я, а потом уже, развернувшись в своем огромном кожаном кресле, и МарьИванна, которая тут же махнула пухленькой рукой в направлении меня, то есть стола:

– Располагайтесь, АннИванна, есть что обсудить.

Я хитрым образом заняла ближайшее кресло от входа, поэтому АннИванне оставалось либо пристроить свои телеса за мной и разговаривать с МарьИванной через мою голову, либо совершить марш-бросок вокруг стола и сесть напротив меня, но зато пред светлы очи начальницы. АннИванна, как я и была уверена, выбрала второй вариант.

Несколько минут, пока мы ждали завершения маневра АннИванны, в кабинете стояла тишина, нарушаемая скрипом паркета под её тяжелой поступью, да шуршаньем её платья.

– Это то самое платье? – поинтересовалась МарьИванна, когда АннИванна наконец уселась за столом.

– Да! Посмотрите, как Вам? – АннИванна тут же вспорхнула и чуть ли не закружилась, чтобы показать всю прелесть платья шестидесятого размера.

– Да, замечательное платье. Вроде бы и мой размер, но мне не подошло, – сказала начальница.

АннИванна дипломатично заулыбалась и ещё более дипломатично заметила:

– Вы грудь выше носите, поэтому.

Тут Карлсон и Фрекен Бон, не сговариваясь, уставились на меня, как раз в район моей грудной клетки. Нет, конечно, Ким Бессинджер обладает несомненными преимуществами, такими как длинные ноги, тонкая талия, красивая грудь, но все эти достоинства лопаются как мыльный пузырь под взглядами моих непосредственных начальниц.

– Так, Фёкла эээ, Кондратьевна, – это МарьИванна дает мне понять, что можно бы и без отчества называть такую молодую и неопытную особу, каковой я в свои сорок лет являюсь, – объясните нам, как можно использовать ваш этот опус? Или что это?

Она снова потрясла листочками и передала их АннИванне.

Ах, вот оно что! Её смутил именно формат повествования, а не содержание, как было подумала я. Это беда поправимая.

– Да-да, это сценарий. Пока наброски, – после недавнего общеминистерского тренинга я боюсь употреблять в беседах с начальством слово «нет» и стараюсь любую фразу начинать только с «да». Я вдохновенно вру, расписывая все преимущества предлагаемого мною к внедрению проекта. Врать-то я умею, а как же без этого, разве что краснею при этом пуще вареной свеклы. Таким старым проверенным способом моя совесть находит выход.

На работе мою особенность краснеть при любом произношении речи, считают проявлением волнения. МарьИванна так сразу и заявила во всеуслышание, что она как прославленный полководец Александр Македонский, отбирает только краснеющих, а не бледнеющих воинов, то есть, служащих.

«Свёкла-Фёкла» – отчетливо читается в глазах АннИванны. Тут не надо быть провидицей или иметь третий глаз, на её месте любой бы провел такую аналогию. МарьИванна постукивала карандашом и успевала под моё бодрое выступление пролистывать какие-то документы. Таких как я, ваяющих без усталости один проект за другим, один сценарий краше другого, у неё целое министерство в сто голов.

– Ладно, Фёкла Кондратьевна, – на этот раз моё отчество произнесено с ударением, что дает мне повод дня два ходить по министерским коридорам задрвав нос, показывая, что я обласкана милостью начальства, – идите, работайте. Главное побыстрее там, подключите к этому делу смежные отделы, проследите за всем. Чтобы не было как в прошлый раз...

Повисла небольшая пауза. Каждая из нас подумала о некоем прошлом разе. У меня таких разов было с десяток. О каком, интересно бы знать, речь?

– Это с Ван Дамом когда? – поинтересовалась АннИванна.

– А что там с Ван Дамом? – в свою очередь удивилась МарьИванна.

Вот с кем мне приходится работать. Для этих, чтоб им было хорошо, старых кошелок, что Ван Дам, что Вин Дизель. Но, само собой разумеется, субординацию и прочие такие хитрости взаимоотношений с министром и его заместителями никто не отменял, поэтому я лишь вскинула глаза, всем своим видом показывая, что я сама простота и наивность:

– С Вин... э... Ван Дамом?

Моя подсказка освежила память АннИванны.

– С Вин Дизелем, – как ни в чем не бывало, поправились она.

– Да-да, это я и имела в виду, – министр, она же МарьИванна, она же Карлсон, сделала такое царственное движение бровями, что я резко подпрыгнула, раскланялась обеим Иваннам и убежала совершать трудовые подвиги.

Самое время бросить взгляд на заднюю обложку, где обычно красуется маленькое фото автора лет пятидесяти, с таким внушительным бюстом, что становится ясно, как в реальности происходит подавление и складывание в штабеля несчетного количества кавалеров, теряющих голову (и прочие части тела, если это детектив) от героини, красивой и умной, а также весьма скромной, потому как подробного описания её внешности в романе не дается, а раз повествование ведется от первого лица, чтобы представить героиню, волей-неволей, читатель вынужден возвращаться к маленькому фото.

Так вот, внушительным бюстом, как вы уже знаете, я не обладаю. В наличии ладная фигурка Сальмы Хайек, лицо молодой Ким Бессинджер, хотя что это я, и фигура, и лицо, а главное волосы – вылитая Ким Бессинджер, как в том фильме, где она за рулём, в белой блузке и темных шортах, день и ночь следит за похитителями сына, не ест, не спит, и выглядит со своим неброским макияжем как свежая роза. Особенно хорошо она выглядит после карабка по осыпающемуся щебню, бегу по канаве с водой, и лишь один из безупречно уложенных локонов трогательно выбивается из общей копны волос, показывая нам, что Ким устала...

Зовут меня Фёкла. К имени я отношусь философически, как к довольно неплохому варианту. К тому же, родители выбирали из Дунь и Дусь, и Фёкла в сравнении с ними явно выигрывает. Как бы там ни было, имя хоть не приносило мне до сих пор дивидендов, но и убытков тоже. А в последнее время я со своим именем оказалась в тренде, потому как в наших северных широтах снова пошла мода на Матрен, Федотов, Елисеев, и учитывая мою жизненную дислокацию, оно стало просто заурядным.

В Республике Саха принято давать две разновидности имен детям: старинные, такие как: Феклы, Марфы, Федоры и Потапы, и современные национальные, не обязательно якутские, такие как: Жаны, Айалы, Чингисханы, Нюргуяны и Сардааны. Обычные имена тоже довольно часто встречаются, но они постепенно становятся редкими, потому как их обладатели стареют.

Если честно, то имя мне стало даже подходить, особенно когда я вышла замуж. Не зря же говорят – как корабль назовёшь, так и поплывет. Даже не знаю, как объяснить то чудо, когда мы с мужем составили половинки одного корабля. Кто и когда этот корабль разбил, чтобы мы с ним в итоге соединились – тайна, покрытая мраком. И зовут моего мужа Сила Никитич.

Внешность у моего Силы как у Брюса Улисса в молодости и в парике. Или он тогда ещё не был лысым? В общем, мой Сила Никитич не лысый.

Идем мы как-то, Ким Бессинджер и Брюс Уиллис, такие молодые и красивые, и все вокруг радуются за нас. Мы и вправду были молодыми ой как хороши.

– Как жить-то будем, Фёкла моя? – спрашивает Сила Никитич. Это из фильма, когда из прошлого в настоящее попадают два француза, рыцарь и его слуга, грязные, с черными зубами и с огромными носами, как у всех французов, рыцаря из них играл Жан Рено: «Баба моя!»

Сила мой всегда читал много: новости, классику, современников, энциклопедии и фэнтэзи, особенно тогда, в молодости. А работал программистом и переживал, что наступит кризис, доллар подорожает и о всяких таких мужских глупостях переживал. Этого я и сейчас не могу понять.

А живем мы в Якутске, столице Республики Саха, которую иногда по старинке называют Якутией. Это ровно на восток от Москвы шесть тысяч километров. Если смотреть по карте – то вправо, там, где очень мало точек городов, но очень много ниток рек и пятен озер. Одна из этих точек и есть Якутск. И нет, это не Чукотка. И не Магадан. Немного ближе, чем Колыма, но гораздо дальше, чем Уральские горы.

Летом шли. У меня были босоножки светлые, на толстом таком каблуке, с круглым носиком, мода на такой носик вернулась в прошлом году, короткая красная юбочка и кофточка из красной ткани, жутко линючей, сколько ни стирай. Достопримечательностью кофточки был принт – криво нашитый на живот квадрат, имитирующий газетную вырезку. Все внимание прохожих привлекал этот несуразный квадрат, кто-нибудь обязательно наклонял голову, пытаюсь разобрать, что там за газета у меня на животе и о чем в ней идет речь. Поняв, что текст не по-русски и даже не по-английски, прохожий, вздыхал и искал на чем ещё остановить свой праздный взгляд. А у меня между тем под квадратом прятался довольно большой живот, пять месяцев.

Сила Никитич был в светлых брюках со стрелками, светлой рубашке с коротким рукавом, а босоножки у него всегда были, даже в девяностые годы, приятного светло-коричневого оттенка, цвета охры, ближе к рыжему. С черными носками. Я только черные носки ему покупаю, так удобно. Сами знаете, сколько носков в машинку ни кинешь, вынешь всегда нечётное количество. А если все двадцать пар одного цвета и размера, то никаких проблем. К тому же пыльно в Якутске, редкие обладатели белых грязных носков, выглядят так же нелепо, как если бы ходили совсем без носков.

Лето в Якутске, столице алмазного края, это что-то. Жарко, пыльно, сухо. Мы брели по щиколотки в пыли, изредка занырявая в тень от тальника. К нам тут же радостно пища кидались комары. Не помню, куда мы в тот раз шли, помню, что было жарко, мне было тяжело тащить животик, в котором сидели двойняшки, а Сила Никитич с несвойственным ему многословием рассуждал о политической обстановке.

Обычно мы общаемся улыбками, оборванными фразами, отдельными словами, нам этого хватает с избытком, мы ж понимаем друг друга с полуслова. У меня начинает болеть та же часть тела, что и у мужа, а ему часто снятся мои сны. Ещё у нас в одинаковых местах родинки,

хотя когда мы только встретились, у каждого был свой персональный набор, но спустя какое-то время, ползая по нам, дочки сравнили каждую родинку на спинах, руках и шеех и выяснили, что мои родинки переключались к Силе, а его ко мне. Ноги наши остались без сравнения, потому как волосатые ноги папы к таковым исследованиям со стороны дочерей не располагали.

Я понимала, что моя улыбка, никак не подходящая к произносимой мужем политинформации, списывается им на моё неадекватное положение. Мол, когда внутри тебя растёт неведомое существо, мозг не обязан работать, напротив, единственная задача мозга – отключить все негативные мысли, чтобы в благостном неведении жертва разродилась-таки хоть кем-нибудь, возможно даже, человеческим дитем. Тут надо отметить, что муж успевал посмотреть все свежие боевики и ужастики, какие только появлялись в сети, что было одним из наибольших плюсов его профессии, так как просмотр происходил в рабочее время с рабочего же компьютера.

– Все будет хорошо, – так выразила я весь сложный вихрь мыслей, включая монстров из ужастиков вместо ребенка, наше безденежье и беспокойную ситуацию на финансовых рынках. «Ты всегда так говоришь», – хотел сказать Сила, но не сказал, а лишь ещё крепче сжал мою руку. «Ничего не всегда, если на самом деле будет хорошо, как ещё сказать?» – мысленно ответила я.

– Посмотрим, – сказал муж.

Мы подошли к площади Ленина, сели на скамейку у фонтана. В фонтане развились детишки. Некоторые взрослые, и я в их числе, тоже были бы не прочь залезть в воду.

Через два месяца Силе Никитичу на работе выделили квартиру. Её как-то хитро оформили на подведомственное министерству предприятие, с последующим выкупом, но сам факт выдачи квартиры выглядел, как если бы вдруг пошёл апельсиновый дождь или бы государственным языком Якутии стал французский.

Нам было некогда думать о прихотях судьбы в лице начальства одного из министерств, внезапно одарившего рядового сотрудника квартирой в центре города. Мы тут же принялись осваивать пространство в семьдесят квадратных метров, и нас не пугал пятый этаж без лифта, ведь дареному коню, как известно, никуда не заглядывают. Мы лихо перетащили наш незамысловатый скарб с семнадцатого квартала, где прозябали последние несколько месяцев, в благоустроенные хоромы и начали клеить обои.

Семнадцатый квартал (с ударением на первый слог, квартал) – злачное местечко, куда злачнее Сайсар, поселка Геологов или Кирзавода. Состоит он до сих пор, не говоря уж двадцати годах тому назад, из двухэтажных покосившихся деревянных домов, из благоустройства в которых только трубы отопления. Те фильмы с Вин Дизелем, где он в адских условиях на других планетах гремит наручниками и устрашающе ухмыляется, снимались именно в этом районе Якутска. Особенно впечатляют бесплатные декорации зимой: дома, словно застывшие древние животные, с оскалами заиндеветших кривых форточек и дверей. Сталактиты и сталагмиты всех форм и размеров вместо помоек под каждым изгибом труб. Трубы отопления в рваной стекловате тянутся на высоте второго этажа со всех сторон, словно щупальца космического пришельца, пытающегося высосать кровь у доисторических животных. Массовка тоже на высочайшем уровне Голливуда: в минус пятьдесят выскакивают жители в одних трусах и майках и в облаках густого тумана выплескивают помой на ближайшую кучу сталагмитов.

Никакой задней мысли у нас по поводу благоустроенного жилья в двадцати метрах от площади Ленина даже не возникло. Родились наши дочери, мужа назначили начальником отдела, все шло своим чередом.

Родители, как мои, так и Силы, практически не принимали участия в нашей жизни. Моя старшая и умная сестра переехала сама и перевезла родителей к себе. Уехали они далеко от Крайнего Севера – в Читу, и были полностью счастливы. Сестра снабдила деда и бабушку тремя

внуками, они совместно осваивали участок с огурцами-помидорами, у них даже крыжовник и слива росла. Или вишня.

Мама, конечно, не «попробуйте редисочку. Чувствуете разницу? Вот! Эта – на курином помете, а эта – на навозе», но довольно близка к этому. Она искренне считает, что всем, а особенно мне, её младшей дочери, происходящие метаморфозы с овощами и цветами на даче так же важны и вызывают тот же душевный трепет, что и у неё. Все остальное в этом мире – новости, сериалы, книги, дети, работа являются дополнением к выявленному ею истинному смыслу жизни и служат собственно для расслабления и релаксации организма после тяжелых полевых работ. Участок дачи в двадцать пять соток с проложенными между рядами грядок вязанными ею долгими зимними вечерами ковриками из тряпья – наглядное тому подтверждение.

Мне была отведена роль младшей сестры – неудачницы. Но это ещё нормально. Я с дочерьми ездила к родителям раз в два – три года, получала свою порцию жалости и участия, а вот у Силы Никитича, случай был гораздо тяжелее. Отца он не помнил, а мать относилась к нему как древнегреческая богиня из мифа, где мать хотела убить одного из сыновей, чтобы другой её сын сел на трон. И если другой сын, то есть брат Силы, был в наличии, то в качестве трона и наследного имущества выступала хибара в экспериментальном арбалитовом доме в поселке Геологов, а о вреде арбалита в Якутске все знают. Таким образом, мать Силы жила где-то в Якутске, но ни мы её, ни она нас, своим присутствием не одаривали.

Я, в молодости вылитая Ким Бессинджер, с годами, как мне кажется, стала походить на Уму Турман из «Убить Билла». Разве что нос у меня не такой выдающийся и шевелюра все же побогаче будет.

Отступая от неисчерпаемой автопортретской темы, надо остановиться-таки на среде нашего обитания и объяснить, как мы дошли до жизни такой.

Если вам кто-то скажет, что есть более контрастные и необычные места в мире, чем Якутск, культурно отправьте этого человека читать сей скромный опус или если к тому времени уже снимут по нему блокбастер, то к блокбастеру непосредственно.

Нет таких мест на карте мира, где настолько причудливо переплетаются различные стили, фактуры и материалы, в результате чего город приобретает тот чудаковатый дух, который трудно объяснить словами. Его надо только видеть. Желательно зимой.

Про семнадцатый квартал у вас уже есть поверхностное представление. Самое время осветить все остальное.

Контрасты Якутска проявляются сразу при выезде из аэропорта. Хотя нет, гораздо раньше – в самом аэропорту. Вас выводят из самолета в зал из стекла и хрома и чего-то такого суперсовременного. За стеклом, как в аквариуме, толпятся встречающие, и вы уже видите родную щетину супруга, но, как и положено аквариуму, звуки из-за стекла не доносятся и вы понимаете, что это не встречающие, а именно вы, прилетевшие, закрыты в нем. Особо ретивые и свободолюбивые кидаются на стеклянную дверь, пытаясь вырваться из замкнутого пространства, но их пыл остужает охранник, который чуть ли не дубинкой отгоняет всех от двери. Он трясет ключом от двери перед носом этих неуправляемых пассажиров, успевших где-то в Европах вкусить духа свободы.

Можно увидеть сценки из многих фильмов, как отечественного, так и зарубежного производства. Вот, например, парочка из «Семнадцати мгновений весны»: она присела бочком на кресло, развернутое спиной к встречающим, он стоит тоже вполборота к стеклу, потому как сжимаем другими страждущими встречи гражданами, изредка они кидают друг на друга полные любви взгляды. «Они не виделись пятнадцать дней... Штирлиц знал, что его жена прилетит к нему именно этим рейсом...», – звучит за кадром.

Наконец, привозят багаж и на движущуюся со скрипом ленту начинают выкидывать чемоданы и баулы откуда-то из-за стенки, прикрытой не то мешковиной, не то грязным целлофаном. Багаж подвозят по раз и навсегда установившейся традиции аэропорта Якутска через час с небольшим после приземления самолета, и никакие глобальные перемены в государственном строе или политике партии не в сила повлиять на эту традицию.

Непреклонный охранник не сдаётся даже перед беременными и пассажирами с грудничками, ибо есть в накопителе бесплатные туалеты, по запаху их легко найти, а остальное можно и потерпеть. Только когда выстраивается очередь из пассажиров с багажом и бирками от багажа в руках, поворачивается ключ и дверь открывается ровно на столько, чтобы мог протиснуться один пассажир с одним стандартным местом багажа. У кого корзинка, картонка, коляска, собачка, те априори отсеиваются в конец огромной очереди.

Мы с мужем разыгрывали в последний его прилет сцену из «Бандитского Петербурга», часть первая, кажется. Певцов «посадил» жену своего друга в Кресты, пришел к ней на свидание, и они сидят и молчат, смотрят друг на друга. Он говорит глазами, что любит её и просит прощения, что подставил её, она отвечает, что ничего страшного, она его все равно любит. У нас нет, конечно, таких сложных переживаний, как чужая жена, разборки и подставы бандитов, но от этого наши взгляды отнюдь не менее выразительные.

– Как ты? – спрашиваю я.

– Не спрашивай, любимая. Устал, как собака, – отвечает муж.

– Как командировка?

– Тихий ужас. Ненавижу дороги, гостиницы, вокзалы...

Я думаю, выпуск пассажиров организован таким макаром в Якутске исключительно для того, чтобы наши якутские люди, оказавшись где-нибудь в Москве или даже за границей, не кинулись к чужим чемоданам, чтобы им было невдомек, что где-то могут просто так выпустить с багажом без сверки бирок. Если вы видите, как азиатской внешности пассажир в Домодедово разувается и снимает с себя ремни, часы, украшения при посадке, хотя его об этом и не просят, а по прилету кидается к таможеннику и пытается показать ему зажатые в руке бирки на багаж, то знайте, это наш якутский товарищ.

Впрочем, новое здание аэропорта появилось всего несколько лет назад. Ещё недавно на этом самом месте стояло синее приземистое здание советской эпохи, окруженное железным забором. В заборе была дверь, как раньше делали на разного рода проходных – на высоте, так, чтобы надо было перешагивать железную перемычку. В дверь выпускали прилетевших пассажиров и все встречи происходили на улице. Как зашевелился народ у железной дверки, значит, прибыл очередной рейс. Не важно, было минус пятьдесят или плюс тридцать, встречающие старались устроиться в машине таким образом, чтобы было хорошо видно эту волшебную дверь. Ну а сцена с багажом и бирками разыгрывалась в маленьком помещении с высоким крылечком. Тогда надо было бирку показать сначала на входе, а потом уже и на выходе с чемоданом.

Сейчас на площади перед аэровокзалом машин нет, все как у людей. Кругом шлагбаумы. А встречи все происходят в тепле, внутри стекла и хрома. Сразу за шлагбаумами начинаются деревянные неблагоустроенные дома, родные братья домам семнадцатого квартала. Двухэтажные, покосившиеся, на контрасте после сюрреалистичного стиля аэропорта они смотрятся весьма колоритно, словно из другого измерения.

К проходящим периодически общественным или политическим событиям – приезду Самого-Самого или к спортивным играм «Дети Азии» дома тщательно замазывают, как правило, в жизнеутверждающий желтый цвет. На старом дереве и при первых морозах краска быстро преобразуется в грязно-коричневый цвет, к которому глаз постоянных обитателей столицы нашего края привык больше.

Прямая дорога из аэропорта в течение каких-то десяти минут приводит к самому городу. Дорога отреставрирована, со свежими заплатками, с фонарями между полосами, пусть и покрытыми на вид столетней пылью. Много праворульных иномарок, потому как Япония гораздо ближе, чем Европа. БМВ или ауди такая же редкость, как и кибитка с лошадьми. В город ведет дорога, которая, если верить картам или навигатору, является улицей Можайского, через километр или даже меньше становится автострадой 50 лет Октября, а затем уже улицей Дзержинского.

Центральные улицы Якутска носят имена пламенных революционеров: Ленина, Орджоникидзе, Кирова, Ярославского. После горячей признательности революционерам наблюдается любовь лиц, ответственных за наименование улиц, к классической литературе: Пушкину, Короленко, Чернышевскому, Лермонтову, Чехову. Конечно же, без внимания не оставлены местные герои, например, улица Кеши Алексеева, якутского комсомольца, улица Петра Алексеева, это уже совсем другой герой, русский революционер, отбывавший наказание в 19-м веке в Якутской области. Ойунский – якутский революционер, основоположник советской якутской литературы. Улица Бестужева-Марлинского, прочно ассоциирующаяся у аборигенов Якутска с кожно-венерологическим диспансером, названа, как несомненно, все знают, в честь известного декабриста и поэта. Улица Билибина – в честь геолога, понятное дело, в поселке Геологов, что на противоположной от аэропорта стороне города. Красноармеец Котенко Василий Дмитриевич, организатор комсомола в Якутии, гораздо прочнее, чем Бестужев-Марлинский с КВД, ассоциируется у горожан с «дуркой». «Котенко по тебе плачет» – принято говорить в Якутске, в отличии от «Кашенко» в Москве.

Какой-либо структуры или логики в наименовании улиц выявить сложно. Только фамилии героев. Нет каких-нибудь Цветочных или Липовых улиц и аллей. Впрочем, это связано, скорее всего, с отсутствием как таковых аллей и какой-либо растительности, в честь которой не стыдно было бы и улице назвать. Из растительности в городе присутствует в неограниченных количествах тальник и камыш.

Города принято сравнивать с людьми. Москва – это яркая, уверенная в себе баба в бусах. Ростов, понятное дело, – бабушка, пожилой, с бородой и в старинном зипуне. Якутск в этом ряду представляет собой бичеватого мужика с кое-какими претензиями на высокий стиль. Всклоченная борода сочетается у него с дорогим галстуком поверх майки, заляпанной соусом. Брюки со стрелкой заправлены в стоптанные кирзачи. Пиджак, как и рубашка, отсутствует, зато в наличии кожаная жилетка байкера и тесное кашемировое пальто. Мужик наш не то чтобы трезв, но и не так чтобы пьян. Грязный, это да, но и запах дорогого одеколona, хоть и едва заметный, пробивается. Ну и как можно относиться к такому мужчине... э-э, то есть, городу?

Национальность Якутска – сахаляра. Мать – якутка, отец – русский. Или наоборот. Кто их, этих сахаляров, разберет. Хангаласские якуты, те вообще, на лицо вылитые русские, глаза голубые, волосы русые, а на самом деле – настоящие саха. Якутов сейчас политкорректно называть саха. А если пишется с большой буквы – Саха – то это название республики. В саха-языке нет как такового рода, мужского или женского, поэтому саха – это для всех и про всё. Очень удобно.

Глава следующая, производственная, с Ильичом

К совершению мною трудовых подвигов очень располагает расположение нашего дома. В любой момент я могу добежать из министерства домой и обратно (скорее, конечно, обратно) за каких-нибудь пять минут, и это включая одевание шубы, шапки и унтов на босу ногу.

Все министерства в Якутске расположены вокруг площади Ленина, а так как она квадратной формы, то, соответственно, с четырех сторон, и находятся министерства всего и вся.

Памятник Ленина у нас солидный, Ильич стоит на огромном, в бордовом мраморе, постаменте, кепку сжимает в левой руке, а правую вскинул высоко, показывает, куда он зовет и где нам всем надо быть. В ногах Ильича сооружение, с которого вожди машут празднично проходящим колоннам, очень похожее внешним видом на московский мавзолей. Два раза в год, как и положено, весной и осенью, все трудовое население министерств и ведомств в ликующих праздничных шествиях проходит мимо Ленина и машет цветами и шариками стоящим Дархану и его заместителям, министрам всего и вся.

В бывшем обкоме партии, что за спиной Ленина, расположились отнюдь не самые важные министерства, потому как здание обкома довольно старое и ремонт в нем так себе. В него даже пропуск можно сделать тут же, внизу на проходной, настолько это простенькие министерства и заблудиться в нем невозможно, сплошные прямые коридоры и ряды дверей. А вот по правую руку Ленина находится внушительного вида здание, в котором можно царственным особам, ну или олигархам, на худой конец, иметь счастье лицезреть самого солнцеликого нашего Дархана. Здание все из темного стекла и кирпича, обсажено голубыми елями, которые сразу же осознали всю возложенную на них честь и растут изо всех сил, даже и не верится, что во всем городе только камыш и тальник выживает. Может быть, у меня такая мысль, благополучному росту елей способствуют камеры видеонаблюдения, коими утыкано по периметру все огромное здание.

Лестница во весь фасад к Дому Правительства Номер Один, как гордо именуется сие здание, такая высокая, что отправляясь на аудиенцию, необходимо в расчет времени, необходимого чтобы добраться до кабинета, минут пять закладывать на карабканье по ступенькам. Ступеньки зимой, то бишь большую часть года, скользкие до омерзения и подняться без риска расшибиться об их глянцевую поверхность можно лишь по узкой красной дорожке, приклеенной водой посередине.

Простым смертным, чтобы проникнуть в святая святых, требуется получить пропуск. Эта отдельная процедура, которой занимается министерство, находящееся как раз напротив Дома Правительства Номер Один или по левую руку от Ленина. Все министерства, как то и положено по конституционному порядку, входят в Правительство, однако сами здания, по которым министерства расселились, принято нумеровать, вот и дом Правительства нашего министерства, что по левую руку, получило номер три, в бывшем обкоме и за спиной Ленина – четыре, напротив, через всю площадь с фонтаном – пять.

Про Дом Правительства Номер Два история умалчивает. В наших министерских кабинетах стараются об этом не говорить, потому как по слухам, такое здание есть, и в нем как раз те самые главные министерства располагаются, о которых лучше не шутить. Тамошние ребята шуток не понимают, они все про всех знают, все слушают и записывают, а потом передают в высшие инстанции, аж в саму Москву.

Мы, работники министерств, можем войти в любое из зданий Правительств, всего лишь показав красную корочку, за исключением Дома Правительства Номер Один. В Доме Правительства Номер Один всех посетителей, даже обладателей красных корочек, обязательно встречают и провожают. Потому как был случай, когда один из служащих заблудился в коридорах власти.

Мальчика лет двадцати пяти только приняли на работу и послали что-то такое отнести в «ДэПэ один». Он ушел и пропал. И хотя в то время уже была сотовая связь и у мальчика, как представителя продвинутого поколения, принятого к тому же на престижную службу, конечно же был при себе сотовый телефон, это никак не могло помочь в его поисках, потому что в этом огромном здании, как в саркофаге, любая внешняя связь глушится напрочь.

Поиски пропавшего продолжались трое суток. Была развернута спасательная операция. Несчастного обнаружили в зимнем саду на одном из диванчиков за аквариумом. Днем он питался на проходящих по случаю фуршетах, а ночью спал на каком-нибудь из диванов. Куда и зачем его послали, он уже не помнил, и выход искать не собирался.

С тех пор, когда возникала необходимость посещения Дома Правительства Номер Один, а такая необходимость у меня, например, возникала в силу служебных обязанностей не реже одного раза в неделю, то снизу обязательно созванивались по внутреннему телефону с кем-нибудь из мелких служащих, который и выбегал навстречу. Понятное дело, такой мелкий служащий по рангу был выше меня, простого начальника отдела, а уж о зарплате такой службы даже лучше и не знать, не то что не мечтать. И провозжали тебя потом почти до самой таможни, тьфу, то есть, до кордона охраны. А то мало ли, подселишься там у них в фойе с фонтанами и аквариумами.

Простому же смертному, если таковые имеются в нашем городе, потому что по моим наблюдениям, львиная часть населения занята государственной службой и лишь совсем небольшая часть невезунчиков, живущих в трущобах семнадцатого квартала или на ГРЭСе, непосредственно что-то производит, требуется побегать за оформлением пропуска из одного здания в другое. Если желание и необходимость посещения Дома Правительства Номер Один после этого не отпадает, то страждущий за какие-нибудь два-три часа оформит себе пропуск и будет допущен куда ему так сильно вдруг понадобилось.

В наше министерство попасть гораздо проще. Внизу, в стеклянной будке, сидит охранник. Он собственноручно набирает номер внутреннего телефона из четырех цифр, что вы ему должны уверенно продиктовать, и убедившись, что «пущать», собственноручно же выпишет вам пропуск, который вы должны отметить в канцелярии министерства, а потом ему же и сдать.

Нас, постоянных работников, охранники, коих всего трое или четверо, знают в лицо и пропускают кивком головы. Собственно проход осуществляется через эдакую вертушку, такие были во всех фильмах «Петровка, 38», «Убойный отдел» и прочих, где будни милиции освещаются. Сейчас министерства на Большой земле более современные устанавливают, капсулы такие стеклянные, заходишь в неё, за тобой стеклянная круглая стенка закрывается и жди, когда откроется противоположная. В Якутске есть такие капсулы, как без них, в том же Доме Правительства Номер Один две таких, только от морозов или пыли они не часто работают, поэтому охранники предпочитают работать вживую, они не сидят в своих стеклянных будках, они выходят к бронированным дверям сами и берут ваше красное удостоверение и рассматривают его так, словно хотят найти следы подделки, а потом, не найдя ничего подозрительного, откидывают крючок с бархатной красной лентой, как в музее, перегораживающей вход, когда видят, что за вами прибежал встречающий. В общем, у нас в Якутске, хоть и по-взрослому все, но все-таки более человечно, более просто относятся ко всему, в том числе и к пропускной системе.

Это я к чему так подробно. Общеизвестная формула «где бы ни работать – лишь бы не работать» в моем лице может быть воплощена при наличии ряда обстоятельств. На первом месте, конечно же, удаленность дома от места работы. С этим все в порядке, пять минут, включая все лестницы вниз и вверх с унтами или без, лишь бы без каблуков. На втором очень важном месте – пропускная система наших домов Правительств. Если министр, едва наклонив голову в сторону подобострастно припавшего к пропускающей кнопке охранника, вдруг удосужится спросить, а не видал ли он в каком направлении побегал только что Петрович

(Кондратьевна), то, скорее всего, охранник пролепечет что-нибудь нечленораздельное, столько этих петровичей бегают мимо него туда-сюда. Не может же он признаться, что не только министру оказывается такая честь быстрого прохождения поста охраны, но и в большинстве случаев вертушка просто отключается им в течение дня, потому как тут все свои «ходят». Редко-редко кто неуверенной поступью двинется в направлении лестницы, а не лифта, выдавая с потрохами, что он тут чужой, так тут десять раз успеешь эту вертушку включить и все остальные предусмотренные протоколом формальности в отношении этого чужого, произвести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.